

Чу Муюнь подумал, что вот это и есть настоящее испытание его актёрского мастерства.

Как же было трудно удержаться и не ответить на поцелуй этого маленького развратника!

Ещё одна задачка века!

Ноль сердечно напомнил ему:

— Кто бы ни прил, тебе разве не следовало хоть немного посопrotивляться?

Стараясь быть добросовестным системой, он изо всех сил пытался помочь хозяину выстроить стратегию.

Но на самом деле Чу Муюнь рассчитал время с абсолютной точностью. Сначала он изобразил крайнее потрясение, а затем, с залитым краской стыда лицом, забормотал, сопротивляясь:

— Ол... Отец...

В туманной ночной темноте Мо Цзюшао выпрямился. Стоя против света, он казался нечётким, но оттенок его изящных глаз казался сегодня чуть глубже прежнего. Чуть прищурившись, он изогнул губы в манящей улыбке, от которой замирало сердце.

Благодаря железной воле Чу Муюнь продолжил играть.

Он испуганно приподнялся. Тонкая нижняя сорочка казалась под луной хрупкой и жалкой, его худощавое тело слегка дрожало. Казалось, весь он испытал сильнейший испрах. Румянец со щек растекался по шее и спускался к белой ткани одежды — глядя на него, невольно представлялось, насколько соблазнительной станет эта фигура, когда вся окрасится в розовый цвет.

Мо Цзюшао тихо спросил:

— Не нравится?

Чу Муюнь не смел даже поднять голову. Опустив взгляд и нервно вцепившись пальцами в постельное белье, он дрожащим, едва узнаваемым голосом произнес:

— Я... я не понимаю... к чему это.

Мо Цзюшао наклонился, белые пальцы подхватили его за подбородок, заставляя смотреть прямо в глаза:

— Разве ты не хочешь, чтобы я тебя поцеловал?

Чу Муюнь поднял голову. В его чистых глазах блестели слезы, растерянность и смятение казались почти невозможными скрыть:

— Но... но ведь это не...

— Разве это не то, что должны делать отец и сын? — Мо Цзюшао закончил за него, но тут же перевел взгляд ниже, на те покрасневшие губы, и хрипло произнес: — Но я хочу поступить с тобой именно так.

Чу Муюнь внезапно широко распахнул глаза. В них плескалось бесчисленное множество страхов и тревог, но где-то на самом дне словно таилась невыразимая радость.

Мо Цзюшао не мигая смотрел на него, а спустя мгновение тихо рассмеялся и снова впился в эти чистые, прекрасные губы.

Чу Муюнь отчаянно дрожал и не смел шевельнуться, напрягшись до предела. Мо Цзюшао думал, что тот боится и тревожится, но на самом деле...

Чу Муюнь мысленно возмутился:

— Да когда ж это кончится? Если целуешь, делай это с чувством! Если продолжишь так дразнить, я сам перехвачу инициативу!

Ноль ответил:

—

Очень скоро Чу Муюнь понял, что целуется этот парень всё-таки чертовски неплохо.

Пожалуй, сначала он боялся его напугать, но, дав немного времени привыкнуть, принялся безудержно терзать его язык, полностью погружая в водоворот чувств... Единственным сожалением Чу Муюня было то, что ради создания образа невинного цветочка, который понятия не имеет обрыцелуях, он не мог как следует насладиться процессом.

Если бы не нужно было притворяться, он бы точно показал ему, что такое удушающий французский поцелуй.

Хотя сейчас дыхание у него самого сбилось.

Стоило только начать, как остановиться уже не получалось. Когда они наконец отстранились друг от друга, Чу Муюнь тяжело дышал. Белые пальцы Мо Цзюшао скользнули по его шее, и тот двусмысленно произнес:

— Нравится?

Чу Муюнь не смел сказать лишнего — лишь трепещущие ресницы выдавали его состояние.

Мо Цзюшао изогнул губы, в улыбке сквозила прохлада, но в глазах по-прежнему плескалась нежность:

— Сяо Юнь, мне очень нравится. Твой вкус оказался даже лучше, чем я предполагал.

Густые ресницы Чу Муюня задрожали ещё сильнее. Он попытался приоткрыть рот, и из его горла вырвался невероятно мягкий звук:

— Ол... Отец...

— Мм, — отозвался Мо Цзюшао и снова поцеловал его. Но на этот раз всё было уже не так просто: переплетение губ и языков довело юношу до полного умопомрачения, а тем временем его длинные, излучающие легкую прохладу пальцы проскользнули под тонкую ткань одежды и легли на его ровную спину.

Тело Чу Муюня слегка вздрогнуло, и он тихо застонал.

В собственных мыслях он бросил:

— Ноль, закрой глаза, контент 18+.[*]

Ноль ответил:

—

Чу Муюнь:

— Если у тебя нет глаз, можешь попробовать отключить часть восприятия. Не бойся, со мной всё будет в порядке.

Ноль ответил:

—Конечно с тобой всё в порядке, у тебя уже всё встало!

Будучи невинным электронным голосом, Ноль предпочел не видеть непристойности.

Чу Муюнь и впрямь никогда не испытывал ничего подобного. Никакой нужды проявлять инициативу или устраивать прелюдию — и хотя было немного жаль, что он не может управлять процессом, просто предаваться наслаждению тоже казалось неплохим вариантом.

Главное — он давным-давно не выпускал пар. И пусть это тело принадлежало несовершеннолетнему, душа-то давным-давно всё распробовала. Целых три с половиной года никакого облегчения, а после такой встряски терпеть не хотелось вовсе.

К счастью, подростки в этом возрасте вообще не отличались выносливостью, а техника Мо Цзюшао была на высоте. Под воздействием множественных стимулов Чу Муюнь от души по кайфовал.

В прохладную ночную тишину вплелись нотки чувственности. Юноша полураздетым прижимался к груди молодого человека, его лицо покраснело, а взгляд затуманился от остаточного тепла оргазма. Здоровая медовая кожа, красивые линии тела, подтянутые худощавые бедра — зрелище было настолько соблазнительным, что у любого потекли бы слюнки.

На белых пальцах Мо Цзюшао осталась капля белой жидкости. Опустив взгляд, он внезапно обольстительно усмехнулся и двусмысленно облизал палец.

Взгляд внезапно потемневших глаз Чу Муюня стал глубже. Он приложил невероятные усилия воли, чтобы не перевернуться и не придавить этого парня...

Мо Цзюшао — вовсе не Мо Цзюшао, и Чу Муюнь прекрасно это понимал.

Это был Янь Чэнь — тот самый помешанный, мрачный безумец, который не выносил ничего прекрасного и желал вымазать в грязи всё светлое, что есть в человеческой природе.

Зависть — поистине скверное качество.

Но нельзя было не признать, что этот маленький развратник оказался куда прямее, чем Аомань.

Лениво размышляя об этом после бурного выброса энергии, Чу Муюнь подумал: интересно, что будет, если всё пойдет дальше по такому сценарию? Чу Муюнь ждал, но никак не ожидавшегося от него бурного проявления чувств Мо Цзюшао поднялся на ноги, оставил нежный поцелуй и прошептал:

— Отдыхай пораньше.

Чу Муюнь слегка замер.

Мо Цзюшао моргнул, глядя на него:

— То, что только что произошло, нельзя никому рассказывать, понимаешь?

Чу Муюнь продемонстрировал мастерство актёрской игры: в его глазах мелькере капелька растерянности, пальцы нервно сжались, и он тихо произнес:

— Юнь-эр знает, что эт... это неправильно, Юнь-эр не должен с отцом... — говоря это, он уже едва сдерживал слезы в голосе.

Мо Цзюшао легко вздохнул и мягко погладил его по щеке:

— Не забивай себе голову всякой ерундой. Просто ты еще слишком мал и многого не понимаешь, я не могу эгоистично удерживать тебя рядом.

Чу Муюнь поднял голову, его глаза заволкло влагой:

— Отец, я... я...

Мо Цзюшао прижал палец к его губам, а в его прекрасных глазах читались глубокая нежность и баловство:

— Я жду, пока ты вырастешь.

В глазах Чу Муюня блеснул огонек, после чего он очень серьезно кивнул.

Мо Цзюшао не удержался и снова поцеловал его в лоб:

— Отдыхай пораньше, днем я все еще твой отец, понимаешь?

Услышав это, лицо Чу Муюня снова залилось румянцем, но он всё понял:

— ...Юнь-эр понял.

Янь Чэнь ушел. Чу Муюнь поднялся, умылся, переоделся и только после этого лег обратно в

постель.

— Кайф, хотя немного жаль, что не удалось довести этого маленького развратника до слез.

Никто ему не ответил.

Чу Муюнь позвал:

— 00?

Ему не удостоили даже многоточия.

Чу Муюнь призадумался и невольно усмехнулся: неужто и правда чувства заблокировал...

Жаль, что никто не оценил его актерскую игру. Ладно, 00 все-таки еще ребенок, ему полезно не видеть того, чего видеть не стоит.

Прекрасно ублаженный Янь Чэнем, Чу Муюнь сладко выспался.

На следующий день все шло своим чередом, и во время ужина Мо Цзюшао, как и прежде, велел позвать его разделить трапезу.

Разумеется, Янь Чэнь тоже присутствовал за столом.

Вот только на этот раз глаза Чу Муюня были полны одного лишь Мо Цзюшао: наскоро отдав должное Янь Чэню, он послушно остался подле Мо Цзюшао.

После событий прошлой ночи взгляды, которые Чу Муюнь бросал на Мо Цзюшао, стали еще менее скрытными — привязанность переросла в одержимость. Хотя он изо всех сил старался прятать ту запретную ночь, мастерства у него не доставало, и оплошности лезли изо всех щелей.

Мо Цзюшао заботился о нем, как и прежде, но в глазах Чу Муюня все переменялось, приобретя двоякий, двусмысленный оттенок. Он прятал свои маленькие тайные мыслишки, одновременно радуясь и тревожась, а вид юноши, у которого только-только пробудились чувства, вызывал еще больше жалости и умиления.

Наблюдавший за этим Янь Чэнь кривил губы в легкой улыбке, в то время как на дне его глаз бурлили возбуждение и предвкушение.

Закончив трапезу, Чу Муюнь по всем правилам отвесил поклон и вернулся в свои покои.

В прекрасном расположении духа Чу Муюнь подумал: интересно, сколько еще Мо Цзюшао сможет терпеть.

Утром Нуль уже восстановил восприятие и спросил:

— Сегодня ночью Янь Чэнь снова придет?

Чу Муюнь немного подумал:

— Должен.

Нуль ответил:

— ...Ладно, придется снова уходить в затворничество.

К немалому удивлению Чу Муюня, Нуль блокировал чувства целых пять ночей подряд.

Верно, Янь Чэнь приходил пять раз кряду, и Чу Муюнь остался крайне доволен тем, что каждую ночь все стабильно происходило. Пусть это были лишь ласки рук, но Мо Цзюшао обладал поистине невероятной красотой, а его белые и тонкие пальцы от природы имели строение, словно созданное для игры на пианино. Когда такие пальцы проделывали подобное, возникал сильнейший контрастный эффект — словно возвышенный неприступный красавец превратился в распутную подстилку, которая задирала задницу и умоляла одолжить ей жесткий хер, и передать это ощущение словами было просто невозможно.

Короче говоря, настроение у Чу Муюня было отменное, и он совершенно не возражал повторить это еще разок-другой.

Жаль только, что эти прекрасные деньки продлились лишь до шестого дня.

Все эти дни неумеренного наслаждения заставили любовь Чу Муюня к Мо Цзюшао вырваться наружу мощным потоком, и он решил больше ее не сдерживать.

Стоило Янь Чэню перешагнуть порог, как Чу Муюнь радостно бросился ему навстречу:

— Отец!

Янь Чэнь опустил взгляд и увидел юношу, облаченного лишь в одну просторную верхнюю одежду. Его черные волосы рассыпались до самых ягодиц, водопадом обрамляя нежное и красивое лицо. Фигура, хоть и точеная, казалась прямой, словно только что выросший стебель бамбука — столь прекрасный, что руки так и тянулись его сломать.

Взгляд Янь Чэня поднялся выше, и, встретившись с ним глазами, он увидел чистейшую любовь и безумную страсть, таящиеся в этой прозрачной глубине. Его пальцы снова судорожно сжались, а желание уничтожить юношу разгорелось с новой, небывалой силой.

Он шагнул вперед, обхватил ладонью его шею, и на губы обрушился куда более страстный поцелуй, чем прежде.

За столько дней Чу Муюнь давно растерял всю застенчивость: встав на цыпочки, он неуклюже отвечал на поцелуй, невольно обвивая руками чужую шею. Из-за тонкой одежды большая часть его рук обнажалась, что на контракте выглядело невыносимо соблазнительно.

Сегодняшний Мо Цзюшао вел себя куда более нетерпеливо, чем в прошлые дни: он резким движением сорвал с юноши тонкую ночную сорочку, полностью обнажая его гладкое тело.

Чу Муюнь немного смутился и попытался прикрыться, но Мо Цзюшао склонил голову и припал губами к его груди.

Чу Муюнь тихонько выдохнул, и как раз в этот момент дверь отворилась.

Мо Цзюшао не прервал своего движения, а вот Чу Муюнь вмиг испугался — он боялся, что их кто-то увидит.

Но в этот момент вошедший человек полностью показался из тени.

Из-за удачного ракурса Чу Муюнь видел все отчетливо, и от увиденного его тело вмиг оцепенело, а глаза наполнились неподдельным, не поддающимся контролю шоком и ужасом.

В сиянии лунного света Мо Цзюшао в белых одеждах выглядел столь же холодным и величественным, как сошедший с небес бессмертный.

Чу Муюнь совершенно растерялся, и тут до него наконец дошло, кем был тот, кто целовал его все это время...

Черные волосы, фиалковые глаза, бледное донельзя лицо и холодная, злая усмешка.

<http://bllate.org/book/25288/3015437>